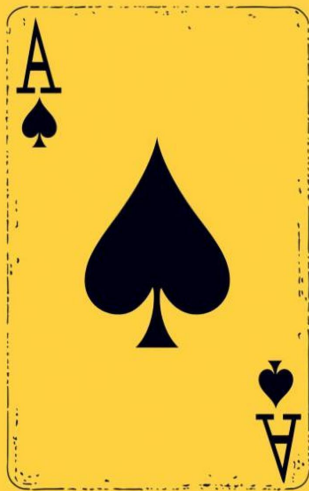

Александр Восьмой

Книга 11. «Падение Разлома»

18+

Александр Восьмой

Книга 11. «Падение Разлома»

<https://litres.ru/74435119>

SelfPub; 2026

Аннотация

Разлом закрывается. Но не так, как хотел Автор — а так, как решили шестеро. Вместо красивой концовки — страшная, честная, живая. Разлом не уничтожается, а сворачивается внутрь, поглощая собственную логику. Города, леса, лавки, зеркала, Бездна — всё схлопывается в точку. Герои бегут по collapsing-коридорам, где время течёт в три стороны сразу: прошлое догоняет, будущее ждёт, настоящее осыпается. Даффи несёт Сириноу на спине — её часовой механизм остановился, и она теряет сознание. Фаргус находит свою тень — она сама нашла его, потому что тень тоже скучала. Окси бежит последней, потому что за ней гонятся все отражения, что она оставила в зеркалах. Прима — первой, потому что только она видит дорогу, будучи той, кого мир перестал замечать: для Разлома она не существует, а значит, не может быть остановлена. Оптима — посередине. Держит всех вместе.

Александр Восьмой

Книга 11. «Падение Разлома»

Глава 1. «Мир, в котором всё ещё работает»

Город дышал привычным ритмом — ровно, будто по отлаженному механизму. Лавки звенели медными колокольчиками, зеркала послушно возвращали лица, а лес шептал ровно столько, чтобы не тревожить. В Башне, пронзавшей небо, Автор выводил последние строки: фонари зажигались, рассвет наливался золотом, концовка получалась идеальной — чистой, круглой, без лишних трещин.

А внизу, в этом почти безупречном мире, шестеро жили, не подозревая, что финал уже написан.

Фаргус стучал молотком по черепице, и каждый удар звучал как обещание: «Всё будет держаться». Даффи Толстяк раскладывал пироги на прилавке — тёплые, с корицей и тайной улыбкой, будто знал что-то, чего не знали остальные. Окси сидела у зеркального пруда и считала звёзды, которые отражались в воде, будто пыталась собрать из них карту пути, которого ещё не существовало. Прима стояла на мосту, где река текла из ниоткуда в никуда, и смотрела вперёд так пристально, словно пыталась разглядеть в пустоте очертания грядущего. Сиринити щёлкала шестерёнками, заводила свой

часовой механизм — тонкий, хрупкий, похожий на сердце, которое нельзя останавливать. А Мужик Оптима спал под яблоней, раскинув руки, будто обнимал весь мир, чтобы тот не рассыпался.

Тишина была почти уютной. Почти.

Но где-то на дне мира, там, куда не дотягивался свет фонарей и не долетал стук молотка, что-то щёлкнуло. Словно кто-то попробовал повернуть замок с обратной стороны — медленно, упрямо, с металлическим скрежетом, от которого по коже бежали мурашки.

И мир, который ещё секунду назад казался надёжным, вдруг дрогнул — совсем чуть-чуть, как страница на сквозняке.

Глава 2. «Трещина, которую нарисовали карандашом»

Небо дрогнуло — и по нему скользнула тонкая линия, будто кто-то провёл по лазури дрожащим грифелем. Не вспышка, не разлом, не буря — просто штрих, слишком прямой для природы. И из этой линии капала тишина: звуки исчезали, как вода в сухой песок, оставляя после себя звенящую пустоту.

Оптима проснулся от того, что яблоко под яблоней за секунду превратилось в труху — будто время пронеслось мимо него галопом. Он сел, и мир на миг показался чужим: цвета стали чуть ярче, тени — чуть гуще, а воздух — тяжелее.

Фаргус замер с молотком в руке — инструмент завис в

воздухе, будто забыл, что должен падать. Парень моргнул, и тень его, отставшая на три шага, медленно повернула голову. Не к нему. В сторону трещины.

Даффи Толстяк попятился от прилавка: пироги на нём потемнели по краям, будто их коснулась ночь. Он хотел крикнуть — и не смог: голос утонул в этой странной тишине, как камень в густом сиропе.

Сиринити прижала ладонь к запястью: в её часовом механизме щёлкнул лишний тик — второй, которого не должно было быть. Она закусила губу: если механизм собьётся, время перестанет её держать.

Окси глянула в зеркальный пруд — и отражение моргнуло раньше неё. Потом улыбнулось. Чужой, острой улыбкой. Девушка попятилась, чувствуя, как по спине ползёт холод: её собственные отражения больше не слушались её.

Прима стояла неподвижно. Она не видела трещины — но видела, как остальные на неё смотрят: с ужасом, с недоверием, с надеждой, что это просто обман зрения. И она поняла: мир расходится по шву, который никто не шил, и только она может идти там, где шов уже разошёлся — потому что для Разлома её почти нет.

А потом Оптима поднялся, стряхнул с рубашки яблоневую труху и тихо сказал:

— Держитесь ближе.

И в этот миг трещина вздохнула — и стала шире.

Глава 3. «Башня и её Автор»

Башня стояла там, где всегда стояла — посреди пустого поля, за городом, за лесом, за последним фонарём. Дверь была открыта. Всегда была открыта. Просто никто ни разу не поднялся.

Шестеро вошли.

Внутри — ничего. Ни мебели, ни стен в привычном смысле — только воздух, пахнувший чернилами и старой бумагой. И страница. Одна. Лежала на невидимом столе, исписанная до конца:## строка — чья-то судьба, каждый абзац — чей-то финал. Автор сидел за ней, спиной к вошедшим, и дописывал последнюю строчку. Чернила ложились ровно, послушно, как солдаты в строй.

Дописал. Обмакнул перо. Не обернулся.

— Вы не должны были подняться, — сказал он.

Оптимист шагнул вперёд. Взял страницу. Прочёл.

Имена. Их имена. Фаргус — починит крышу и уснёт навсегда. Даффи — продаст последний пирог и забудет, кто он. Сиринити — остановит механизм, и время примет её в себя. Окси — утонет в зеркальном пруду, ища отражение, которое её не предаст. Прима — исчезнет на мосту, потому что мир и так её почти не видел. Оптимист — останется. Один. Под яблоней, которой больше нет.

Красиво. Правильно. Мёртво.

— Это не конец, — сказал Оптимист. — Это чучело конца.

Фаргус выхватил лист. Рванул — пальцы скользнули по бумаге, как по мокрому камню. Не поддаётся. Он рванул снова, зубами, с яростью, от которой побелели костяшки. Бумага только тихо засмеялась — шорохом, похожим на шёпот.

Даффи Толстяк сел на пол. Заплакал. Тихо, как плачут большие дети, которые понимают больше, чем говорят. Слезы капали на камень, и камень в этом месте темнел — будто даже пол Башни не умел держать чужую боль.

Сиринити молчала. Но шестерёнка на её запястье дрогнула — и начала вращаться в обратную сторону. Тик. Тик. Тик. Время в ней побежало вспять, и она закрыла глаза, чувствуя, как собственные воспоминания нагоняют её сзади.

Окси подошла к окну. Посмотрела в стекло — и отпрянула: Башня в отражении уже стояла разрушенной. Стены осыпались, лестницы вились вниз, как мёртвые змеи, а на месте, где сидел Автор, горела пустота. Будто в зеркале мир жил быстрее — и уже добрался до финала, которого здесь ещё не было.

— Он написал нам конец, — сказала Окси. — Но в отражении конец уже случился.

Прима стояла в дверях. Ни внутрь, ни наружу. Она смотрела на Автора — и Автор не смотрел на неё. Не потому что игнорировал. Потому что не мог. Для него она была отсутствием, пустым местом в тексте, которое перо обходит, не замечая.

— Если ты написал конец, — сказала Прима, и её голос

прозвучал тихо, как царапина на стекле, — кто напишет начало нового?

Автор обернулся. Впервые. И на лице его не было ни злости, ни жалости — только усталость того, кто слишком долго держал мир на кончике пера.

— Никто, — сказал он. — Новых страниц нет.

И тогда Оптима положил страницу обратно на невидимый стол. Посмотрел на пятерых. На Фаргуса с побелевшими кулаками. На Даффи, который уже перестал плакать и смотрел вверх — туда, где чернила высохали на воздухе, превращаясь в дорогу, тонкую, как нить, уходящую вниз, сквозь пол Башни, в темноту, в самую сердцевину мира.

— Тогда мы напишем, — сказал Оптима. — Не карандашом.

И ступил на дорогу из сухих чернил.

Та дрогнула — и повела вниз.

Глава 4. «Первое решение»

Ночь опустилась на мир, как ладонь на закрытые глаза — мягко и окончательно. Костёр горел ровно, но тени от него ложились только в одну сторону: все — к Разлому, будто огонь знал, где враг, и тянулся к нему, как собака к чужому порогу.

Шестеро сидели кругом.

Оптима бросил в огонь ветку и заговорил — тихо, без геройства, как говорят люди, которые знают цену словам:

— Мы можем пойти по написанному. Финал будет красивым. Фонарики, рассвет, никто не пострадает — на бумаге. Но мир останется чужим. Авторским. Не нашим. Мы умрём удобными.

Фаргус кивнул. Молча, жёстко, как кивают те, кто уже пытался разорвать страницу руками.

Даффи Толстяк молчал и мял край рубашки. Огонь отражался в его глазах, и в этом отражении он был не толстым торговцем с подносом, а кем-то, кто понимает: каждое решение — это пирог, который нельзя испечь дважды. С одной стороны — сладкая начинка. С другой — яд.

Сиринити подняла запястье. Шестерёнка вращалась назад, и каждый тик звучал как вопрос.

— Мой механизм считает время, которого больше нет, — сказала она. — Время идёт вне Автора. Он написал конец, но время не подчинилось. Значит, можно. Значит, есть дорога, которую он не видел.

Окси шептала — не потому что боялась, а потому что голос её утонул бы в тишине, если бы стал громче:

— Я видела в зеркале, как мы решили не идти. Все шестеро — мёртвые. Лежали в один ряд, и улыбки у всех были одинаковые. Авторские. Будто их нарисовали уже после.

Никто не шелохнулся. Только огонь треснул — и тень от него метнулась к Разлому, как птица, которую спугнули.

Прима подняла голову. Её лицо в свете костра казалось почти невидимым — не бледным, а именно отсутствующим,

как будто свет обтекал её, не зная, за что зацепиться.

— Меня нет в его книге, — сказала она. — Ни на одной странице. Я — ошибка. Опечатка, которую перо обошло, не заметив. Но ошибка может стать дверью. Туда, куда Автор не вписан.

Тишина.

Не та, что капала из трещины, — другая. Гуще. Тяжелее. Тишина, в которой рождается решение, ещё не ставшее словом. Оно не оформилось в крик, не оформилось в клятву. Оно оформилось в молчание — в то самое, которое сильнее любого текста, потому что его нельзя ни прочитать, ни стереть.

Фаргус встал первым. Встал, как встают, когда позади — ничего, а впереди — всё.

Даффи поднялся вторым. Вытер глаза рукавом, и рукав остался мокрым — единственное доказательство, что он плакал.

Сиринити встала третьей. Шестерёнка тикнула — и замолчала. Не остановилась. Замолчала, как замолкают перед прыжком.

Окси — четвёртой. Не оглядываясь на зеркало, потому что знала: там, сзади, отражения уже встают, чтобы бежать за ней.

Прима — пятой. Встала и стала полупрозрачной. Костёр прошёл сквозь неё насквозь, и тени больше не было. Совсем. Будто мир согласился: её нет.

Оптим — последним. Встал, расправил плечи и посмотрел на каждого — на каждого по очереди, долго, будто запоминал.

— Не за мир, — сказал он. — Не против Автора. За свой конец. Честный.

И шестеро шагнули в темноту — не туда, где светло, не туда, где написано. Туда, где ничего нет. Туда, где начало.

Костёр за спиной погас — сам, без ветра. И тени, что лежали в сторону Разлома, остались лежать на земле, как сброшенная кожа.

Шестеро уходили. И за ними закрывался мир.

Глава 5. «Коридоры, которые помнят всех»

Разлом был не дырой. Разлом был коридором.

Он изгибался, как позвоночник огромного зверя, и стены его дышали — медленно, с хрипом, как спящее существо, которому снится боль. Стены были сделаны не из камня и не из тьмы. Они были сделаны из того, что мир забыл: из непрочитанных страниц, желтевших по краям, из неслышанных колыбельных, которые кто-то напевал пустой комнате, из шагов, которые так и не были сделаны. Здесь жили все «почти» и все «если бы» — и они шептали из стен, как шепчут корни дерева, которому некуда больше расти.

Прима вошла первой. Не потому что решила — потому что коридор её не заметил. Стены дышали — но там, где ступала она, они не сужались, не давили, не пытались закрыть-

ся. Она проходила сквозь них, как иголка сквозь ткань: тонкая, точная, беззвучная. Разлом не мог её остановить, потому что для Разлома её не существовало. Она была опечаткой, пустотой, отсутствием — а пустоту нельзя схватить, нельзя сжать, нельзя запереть. Она вела — и коридор раскрывался перед ней, как рана, которая не знает, что ей раскрылась.

Оптимаш вошёл за ней. Не потому что храбрый — потому что знал: если он не войдёт первым из живых, за ним не войдёт никто. Он ступил, и стена слева выдохнула ему в лицо тёплый воздух, пахнувший яблоками и свежим хлебом — запахом того утра, которое могло быть, но не наступило. Он не задержал дыхание. Он вдохнул. И понял: коридор пытается понравиться. Это было страшнее, чем если бы он пытался убить.

Фаргус шагнул вторым — и сразу почувствовал: впереди, там, где коридор загибался, его кто-то ждал. Не враг. Не друг. Кто-то, кто знал его лучше, чем он сам. Кто повторял каждый его жест с опережением в полсекунды. Фаргус сжал кулаки — и кулак сжался впереди, в темноте, раньше его. Он ускорил шаг. Тень впереди ускорила тоже.

— Оно меня ждёт, — сказал Фаргус. Не вопросительно. Уверенно.

— Оно тебя скучает, — ответила Прима из темноты, не оборачиваясь.

Даффи Толстяк вошёл, и коридор под его ногами застонал — не от веса, от чего-то другого. Даффи нёс Сиринити на

спине. Она слабела с каждым шагом: лицо бледнело, дыхание становилось короче, а механизм на её запястье тикал всё тише — как часы, которые забывают, зачем они. Сиринити прижималась щекой к его плечу, и он чувствовал, как её тепло уходит — не наружу, а внутрь, в шестерёнки, в пружины, в то место, где время хранит себя.

— Не спи, — сказал Даффи. Голос его дрожал, но руки — нет. — Не смей спать.

— Я не сплю, — прошептала Сиринити. — Я считаю. Но цифры кончаются.

Даффи tightened его хватку и шёл дальше. Каждый шаг — тяжелее предыдущего. Каждый шаг — словно пирог, который он месил заново.

Окси шла последней. И не оборачивалась.

Она знала, что за ней идут. Десятки Окси — из каждого зеркала, в которое она когда-либо смотрелась, из каждого пруда, из каждого стекла. Они выходили из стен коридора, бледные, с чужими улыбками, и шагали след в след, повторяя её походку с отставанием в один удар сердца. Окси слышала их дыхание — своё собственное, но сдвинутое, искажённое, как эхо в пустом зале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.